

18+

Роман Базальев

ДИЛОГИЯ НЕВРОЗА

Часть I

A crumpled ball of paper, likely representing a discarded idea or a messy thought process, is the central visual element. It is a light gray color and is set against a dark gray background. A small white rectangular label is attached to the center of the crumpled paper, containing the text 'Часть I'. The lighting creates soft shadows and highlights on the paper's surface, emphasizing its texture.

Роман Базальев

Диалогия невроза. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051720

ISBN 9785448517228

Аннотация

Часто люди заставляют меня их презирать. Оттого все они получили позывной и теперь играют свою роль, что я определил по их жизненному процессу. Но нету ни позывного, ни роли для того, кто ближе ко мне всего. А может, это я и являюсь им? Да не... с чего бы мне тогда себя пытаться убрать из жизни презираемых.

Содержание

ПРОЛОГ	5
1. Навянное будущим хочется вернуть на бумагу	6
2. Как же пройти по пелене на глазах?	12
3. Рой нагрянет в дом, но не сможет похитить физику	18
4. Томность произошедшего оляжет снегом в яме	24
5. Вседозволенная вседозволенность	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Диалогия невроза

Часть I

Роман Базальев

© Роман Базальев, 2017

ISBN 978-5-4485-1722-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

– Он болен, вам стоит прикупить эти лекарства.

Психиатр протянул нам рецепт. Лекарства стоят бешеных денег, но так уж договорено между фармацевтами и врачами. Невролог рядом потирал руки.

– А помогут ли они ему? – нас беспокоило его состояние очень.

– Скажите, как у него с общением со сверстниками?

– У него нет друзей, – подавленность напала неожиданно.

– Посоветуйте ему, чтобы завёл их.

Очень уж очевидно. Спасибо вам большое. Как будто без вас не знали этого.

Мы встали, поблагодарили их и ушли с чувством, что зря потратили время.

*

Не очень уж хорошо родители выглядят. Пока они там прожигали драгоценные минуты, я успел поболтать ногами несколько тысяч раз. И познакомился с одним пареньком. Не очень приветлив, но подсел сам с такими словами: «Теперь мы знакомы». И протянул мне руку. Я же в свою очередь пожал её ради приличия и выказывая уважение, надеясь на взаимность. А я ведь даже ещё в учебное заведение не начал ходить.

1. Навянное будущим хочется вернуть на бумагу

– А когда это меня интересовало мнение других?

О, этот осенний ветерок и пасмурное небо, скрывающее от меня это навязчивое и испепеляющее солнце. Спасибо тебе. О небо пасмурное – я бы тебе оды посвящал и саги слагал, если бы умел. Ты мой единственный товарищ среди невеж, уж простите меня, но с пасмурностью на улице у меня сложились наилучшие отношения за всю мою жизнь.

– С твоего рождения, – он бросил взор в небо и начинал потирать подбородок, – НАВЕРНО НИКОГДА!!! – развёл руками, выпалив на всю улицу.

– Что ж ты так разоряешься. Это был риторический вопрос.

Меня даже не смутил его недовольный взгляд, который просто взрывается: «Ты вообще человек или как?» Он снова что-то фыркнул, развёл руками и выдвинулся в арку на повороте, которая вела во двор дома его. «Даже не попрощался» – это всё что проскочило у меня в голове. Вообще я особо ни на что не обижаюсь – такова уж участь апатичного человека.

Новый порыв ветра чуть мне лицо не разбил и я не задохнулся. Так всегда происходит, когда он сворачивает до-

мой. Мой щит от природных явлений покидает меня в одно и то же время в одном и том же месте. Из моего сословия мало кто готов морально передвигаться до места моего обитания – моего истинного ореола. Я этот ореол также обожаю, как и пасмурное небо. Он позволяет мне скрыться от солнца и от людей, но эти странные существа всегда норовят завести со мной диалог на подобии «как жизнь приятель?» или «давай я тебе долбану лучом фотонов в глаз в восемь тридцать утра, чтобы ты поднял свой мешок с костями и закрыл окно шторкой». И я встаю и иду закрывать окно, но спать потом уже не хочется, и неосознанно делаю себе кофе, чтобы не отключиться случайно во время мигрирования из кухни в спальню, где меня уже ждёт включённый ноутбук и адское произведение искусства в виде социальных сетей. Рядом с ноутбуком кипа прочитанных и не очень книг.

«Новых сообщений нет»... может это и к лучшему, но я не отказался бы от мнимого общения с людьми, но как я буду с ними общаться? Я не могу писать первым потому, что не хочу показаться навязчивым, да и эти люди уже ломанулись всей оравой на склоны улиц прожигать этот денёк. А вечером я буду листать их фотографии, и думать «а может и мне пора тоже выйти?» Да не, я же там никого не знаю. Я совсем некоммуникабелен... и чем я вообще там буду заниматься? Я не обладаю искусством и секретными техниками пустого гуляния по улицам без цели, без задачи. А вот другие это прекрасно умеют. Я вообще выхожу только по сверж

вселенской нужде – в магазин там зайти попросят родители или на учёбу выдвинутся, чтоб не выгнали (хотя за пару лет обучения ни разу не пропустил). А они выходят и каждый знакомятся с кем-нибудь, потом находят друг друга в сетях, чтобы договариваться насчёт очередной гулянки или прогулки – таковы их цели на целый день. Эх... вот мне бы их разум, а не этот нестабильный кусок желе в черепной коробке, который в любой момент сойдёт с ума. И так слишком много загоняюсь не о чём, а тут ещё один повод нашёлся. С моими думами меня практически никто не видит – дома я закрываю дверь комнаты, и родители даже не подозревают, чем я занят, а с улицы и подавно – шторы то задвинуты. Практически изоляция от мира и становление хиккикомори, но нет – им уж точно становиться не нужно, особенно в наших реалиях с прожиточным минимумом и дорогами.

Я прошёл мимо маленького мирка, в котором обитает мой знакомый и двинулся к серости зданий впереди. В одном из них решают насущные вопросы, но по идеи главный приезжает, чтобы хоть отметить, что он был сегодня на работе. А рядом закрытая от меня обитель людей считающих себя абсолютно свободными. Свет там видят только те, кто обитает на верхних этажах, да и они со своими друзьями на улице могут общаться. Сейчас как раз один из таких моментов выпал. До меня долго не доходило, откуда ор доноситься, но под конец их мега важного диалога я смог различить одну лишь фразу:

– Ну, всё, давай!

Вот уж реальные люди, которые чрезвычайно важны для нашего общества. Если ещё кто-то не понял, о каком сооружении велась речь, то внимайте – это следственный изолятор. Многие люди знакомые мне ведут себя так, как будто были там и вкусили жизни арестантской. Да-да... это я про движение арестантов в подростковом возрасте. Ведь с таким кличем малолетние в стародавние времена устраивали погромы в колониях. Так если современные подростки за арестанство, то значит они сидели? Я чуть не поперхнулся, вышутите что ли? Конечно, никто из них не сидел – максимум, на что они способны это встать на учёт у хранителей правопорядка. Они ничего не знаю о жизни за стеной с колючей проволокой. И я не знаю, но им это выгодно потому, что могут наплести, что угодно и сказать: «Так и есть». Но более-менее эрудированные то знают, что слова таких подростков ложны. Они также думают, что получают кучу привилегий, например: филонить, когда все работают. С такими лучше не иметь контакта вообще.

Вот следующее здание мне больше по душе – там когда-то давно мне починили системный блок, а после уплаты цены я научился всё сам исправлять и впредь туда не заявлялся, если только за кое-какой канцелярией. По большей части, что там происходит мне неизвестно.

Вот я подобрался к отшибу города – моему району. Самый лесистый, между прочим. В лесу, через который мне посто-

янно приходится идти ничего не изменилось – всё также тихо. Во втором классе мне приснился сон, что за мной и моим другой гонится какой-то мужчина. У него были не самые добрые намерения в этом мире. Мне так казалось, что он хочет расправиться с нами. Лес сам-то по себе не большой – можно его быстро перейти, но во сне я всё никак не мог добежать до конца. Эти долбанные сны... люди всегда в них слабы из-за того, что мышцы расслаблены, когда вы спите. Этот мужчина кричал пронзающе. Его крик оставался эхом в нутре, а ноги подводили меня и я постоянно спотыкался. Я так и не узнал, добрался ли он до меня или нет. А через пятнадцать минут после пробуждения я уже ничего не помнил, и это было хорошо.

Абсолютная апатия наносит последнюю попытку побега, когда мне приходится идти по небольшой тропинке, на которую восемнадцать лет не ложили бетон. Эта тропинка проводит меня между детским садом и стадионом, с которых я постоянно ловлю какие-нибудь взоры. Всегда есть небольшая паника, что с стадиона на тропинку прилетит мяч и меня попросят его пнуть нормально, а мне это не удастся и получение дозы позора обеспечено. Поэтому я со скоростью самой максимальной, которая дарована мне от моих физических показателей, проношусь меж этих двух объектов и соверша один небольшой поворот оказываюсь подле моего подъезда, хотя технически он мне вообще не принадлежит. Чёрная стальная дверь является входом в промежуточ-

ный мир, после которого я могу наконец-то попасть в свою обитель нестабильности и фантазии. Как же хорошо оказаться перед входом в таинственное, неизведанное, но давно уже изученное и знакомое. Каждый раз как я захожу в квартиру что-то да меняется. Если честно я и сам слабо подозреваю, что изменилось на этот раз, но атмосфера чувствуется совсем другой... ААА! Я понял! Просто никого дома нет, вот что изменилось, а так всё нормальненько. Осталось только сбросить защиту от атмосферных явлений земли, и я полностью окажусь дома.

2. Как же пройтись по пелене на глазах?

Да где эта кровавая луна? Уже несколько часов жду. А за окном группировка подростков устроила рейд на детскую площадку. Все говорят на повышенных тонах. Вероятнее всего, что некоторые парни хотят должное внимание от девушек, которых они позвали, а те лишь посмеиваются и делают фотографии, жить коим осталось от силы дня два. Девушки то сами не сильно проявляют внимание к парням, вышли на улицу наверно от скуки. Я конечно так бы не поступил. С некоторыми парнями они знакомы от силы с утра, что за безрассудное доверие? Будь я на их месте, то распал о товарищах по прогулке как можно больше информации. Ну да ладно – это их дело. Я лишь сужу по тёмным силуэтам на улице, освещаемой тусклым светом от фонаря, который висит над подъездом. Иногда проскакивают блистающие глаза, целью которых служит моё окно, но лишь с его помощью я могу увидеть, что твориться на улице.

Иногда конечно хочется поговорить с людьми, но также это желание быстро отпадает. Я научился пресекать это стремление. Кто как не я лучше поймёт себя в отличие от остальных людей, включая и тех подростков за окном, которые, кстати, мои ровесники – я их пару раз видел на учёбе,

но не более того. Разговоры с самим собой у меня за спиной я считаю самыми конструктивными и полезными для моей головы. Никто кроме меня не предпочитает выразиться литературным языком, то есть как в книгах. Обычно я не против высечь пару аллегорий на своём языке, зашифровав несколько важнейших посланий моему собеседнику, но он ничего не понимает и приходится отмахнуться и показать эмоционально, что собеседник безнадежен. Мало кто пытался выжать из меня объяснение, и мало кто пытается сделать это до сих пор. Они предпочитают прервать общение со мной. Но мои чувства так просто не обидеть, я же не верующий (извините меня верующие). Я просто не считаю, веру в своём жизненном цикле важным атрибутом и мне будет просто хорошо, если она не будет вмешиваться в моё времяпровождение. Разговоры с самим собой происходят постоянно, даже сейчас, когда идёт процесс написания текста. Я вообще многогранная личность и имею сто мнений на один предмет, насчёт которого мне предлагают высказать своё мнение. Коллапсы в сознании моём дело частое и я принимаю их как должное. Могу придумать остроумный диалог из-за того, что просто вспомнил каков запах у энциклопедий из прошлой версии нашей системы. Например такой:

– Бокфорд... БОКФОРД!!!

Бокфорд с ошарашенным изумлением взглянул на своего соседа по парте. Получив должное внимание от Бокфорда, Стэн продолжил глагольствовать:

– Хватит листать эти томные страницы, – произнёс Стэн, отворачиваясь от Бокфорда, – встал такой запах, что аж мне захотелось читать.

Даже названия своеобразных глав продуманы задолго до самой писанины, которую вы сейчас наблюдаете. Она может казаться скучной. Вы можете прямо сейчас закрыть это и заняться чем-то лучшим, что вы считаете интересным в вашей жизни. Но финалы не всегда такие предсказуемые, как вам кажется. Он навеян многими произведениями, которые мне довелось прочитать в своей жизни, но сейчас не про программу на учёбу, в которую входит классическая литература. Совсем другие произведения, кои не дают неокрепшим умам, сидящим за партами по команде «смирно». Я никогда не был таким. Я могу следовать той программе, абсолютно не воспринимая её, но внешне преподаватели будут думать: «Ой, какой прелестный ученик. Всё схватывает на лету. Ну, просто золотце, а не дитя». Я всегда могу показать эмоцию, которую от меня ожидают, но в действительности у меня есть своя сотня мнений.

Обожаю длинные абзацы, чтоб прямо на всю страницу. Так на меня повлиял антиутопист. Я его всего перечитал, но также мне нравятся краткие главы юмориста. Но я сейчас хотел не о книгах говорить, а о том, что эти подростки на улице обсуждают своего преподавателя литературы, которая загрузила их на всё лето, а сейчас вытягивает из них очень развёрнутые отзывы на книги, которые они даже в гла-

за то никогда не видели. Также вероятнее всего, что проводятся тематические занятия по книгам, но преобладающая часть учащихся не может поддержать разговор с преподавателем и ему приходится вытягивать из них слова с клещами и раскалённой арматурой. «Вопрос! Как ты относишься к этому персонажу?» – с внезапностью преподаватель обратил внимание на притаившегося возле окна учащегося. Он встал с томным взглядом, сделал протяжный вздох, означающий всю бесполезность вопроса и того, что его задали именно ему. «Я плохо отношусь к нему» – с взглядом, жаждущим свободы, он глядел в окно. Преподаватель, конечно же, попросит его аргументировать свой ответ, но чего можно ожидать от не читающего. Лучше оставить их в покое, пусть спокойно сидят и слушают, о чём говорят те, кто прочитал произведение. А потом если угодно и контрольную проведите. Ведь не читавшие уже слышали, что произошло, когда кто-то убил кого-то, и какая погода в это время была в лесу, и какие ногти были у рассказчика, когда он написал слово в произведение «весна». Примерно так мне представлялись эти задания на тематических занятиях. Обсуждали то, что было уже тысячи раз обговорено до нас. Мне не интересны были те книги, которые преподаватели соизволили мне предложить. Из-за этого в ранние годы я не любил читать. Эти попытки заставить меня читать вызывали только отвращение к книгам. Желание читать приходит со временем и не надо дитя заставлять читать – просто показывайте ему, что вы читаете

и он может заинтересоваться в этом занятии. Некоторые дети (те которые мыслят ясно) начинают заниматься спортом, насмотревшись на более старшее поколение. Я так же поступал от части, когда меня заставили написать, кем я хочу стать в будущем – я написал, что хочу стать солдатом и защищать свою страну потому, что видел этих самих солдат в жизни, в кино и мне стало интересно это.

Я много разглагольствую на различные темы. Начав одну, я могу её вести до тех пор, пока все мнения насчёт неё не исчерпаются и тема станет неактуальной. А вот темы подростков на улице быстро испепеляются. Они уже становятся неинтересны друг другу. Парни сливаются потихоньку. Девушки и не начинали проявлять интерес к ним. Затея погулять, с самого начала была нецелесообразна. Какие выводы они сделали? Никаких. Какие уроки им преподнёс этот момент жизни? Никаких. Они не хотят думать и продумывать. Просто следуют за модой. Как в сети, так и в жизни. Они шаблонны, все до единого. Все кто сейчас штурмуют детскую площадку – шаблонны. Они мыслят одинаково, одеваются одинаково, ну или по общей концепции, которая не меняется уже долгое время. Они говорят одинаково. У них нет общих тем для разговора потому, что эта мода не подразумевала генерацию новых тем для общения в будущем, и она выдохлась примерно за месяц с начала своего апогея среди молодёжи. Раньше когда мы гуляли, то иногда загадывали друг другу загадки, но ответы на них всегда были по-

строены на ассоциациях, которые могут возникнуть в голове. Я же решил действовать по-другому и пытаться использовать аллегории, метафоры и зашифрованные послы, чтобы мозг отвечающих хоть немного напрягался. А зачем я так грузю людей? Вседозволенная вседозволенность интроверта мне позволяет такое провернуть. И многие в социальных сетях корят своих противников в комментариях за их интеллект, но в жизни они ни за что такое бы не сказали. Я же могу завуалировать такие послы в сложные выражения, которые на первый взгляд не имеют смысла, но с такими мозгами как у меня люди бы понимали всё, что я хочу донести до их желе в кальции.

Вот вам загадка, ответ последуют дальше, но не в этой главе – как пройти по пелене на глазах? Думайте размеренно, не торопитесь.

А вот те подростки совсем, куда-то уж запропалились. Наверно это сигнал вселенной, чтобы я наконец-то уже уснул.

3. Рой нагрянет в дом, но не сможет похитить физику

Нужно изрекаться и разоряться на слова пока остаются считанные минуты до утра. Наверняка заявится мой знакомый с попыткой вывести меня в свет, чтобы мир увидел, каково я мыслю и рассуждаю. Я ничего не знаю о его жизни пока он не рядом. Если честно, то я иногда и забываю как он выглядит и пройдя в нескольких метрах от меня, то я и не заподозрил бы, что это он. Такова моя память. Что-то запоминаю без осечек, а простецкие казалось, вещи никак не могу уложить в своей памяти, как будто чемодан с вещами и так ломится от одежды и прочего. Но я всегда знаю, что немного, но влезет и это не станет грандиозным провалом в плане на несколько часов вперёд. Я продумываю все варианты развития будущего, а также диалоги с людьми, если встречусь с ними конечно. Из-за этого я часто разочарываюсь потому, что невероятное может произойти обязательно, а ожидаемое не в скором промежутках времени, которые я загадываю. Я опять ночью не выспался, продолжая своё извечное и бесцельное наблюдение за тем, как в онлайне появляются и исчезают люди. Бесконечный поток правильных предположений приводит меня на путь, который лежит за оковами ума. Вот же... я неосознанно хочу, чтоб они мне

написали, но зачем? А за тем, что мой мозг трепещет от отсутствия коммуникабельности у тела, которым он заправляет. Как же я стал некоммуникабельным? Много вопросов я себе задаю, но вспоминать ошибки прошлого это как вспоминать обновления в сетевых играх. Ты можешь проследить путь эволюции или же деградации. История печальна также как и жизнь людей. Животные хотя бы не боятся смерти, но это не точно – лишь моё представление о устоях, которые сложились в их взаимоотношениях. Но вернёмся к причинам моей интроверсии – начнём с того, что я её кристально осознаю и принимаю это как должное. Начался процесс этот много лет назад. Стоило только меня перевести к другим учащимся, как тут же в мозгу нейронные связи щелкнули, и я стал относиться ко всем, с не подаваемым видом этого факта, отвращением. Я считал их всех принижёнными в плане разумности. Они были похожи на тех подростков, которых я наблюдал сегодня. Да, я даже не спал ночью, и для меня было только настоящее без прошлого и будущего. Всех их презирал за то, какими они уродились. Их отношение ко мне. Их менталитет. Их отношение друг к другу. И что же за высшие вселенские силы решили подшутить надо мной – кто-то из них, очень апатичный на вид учащийся, выдал мне, что я понравился одной юной особе. Я по доброте душевной не обратил на это внимание, но я умело обдумываю многие вещи параллельно за единицу времени. Она была недалеко и из-за интеллектуального развития её желе, закрыто-

го от мира в кальции, она сразу обособилась от меня. Мы больше не вели никаких разговоров вообще, а в этот момент я продумывал план по взаимному признанию, но как план может иметь успех, когда ты уже невербалически показал, что она тебе не интересна. Вот ещё одна вещь за которую я их корил – наивность. Все они дети, не могут видеть скрытых мотивов и не умеющие читать меж строк. Мне удалось получить идентификационный номер той барышни. Но если по-простому – я узнал её номер мобильного телефона. Одна СМС с моей стороны и куча звонков, оставшиеся без ответа. Её настырность поражала, но чувства, выданные мне, уже были невзаимными. Конец общения со всем женским коллективом и конец первой стадии.

Вторая стадия была более усугублённой и невероятно горькой на вкус. Я просто узнал о смерти одного из более старших родственников. Не буду пальцем тыкать, кто это был, но ни на похороны, ни на могиле я так до сих пор не был.

Третья стадия и окончательный акт в полной интровертизации моего организма и сознания. Это было банальным принятием всего, что произошло и полное абстрагирование от знакомств с новыми людьми. Я перешёл к стратегии «пассивного ожидания». Следуя этому учению, люди сами знакомились со мной. Узнавали меня только самые терпеливые. Меня не понимали многие, но принимали таким.

Звонок в дверь. Пришёл наконец-то. Вот сейчас я его загружу настолько, что снова начнёт беситься и откажет-

ся от очередной, несостоявшейся попыткой вытащить меня на улицу. Стоило мне только встать, как все пузыри во внутренних полопались. Мне везёт, что мышцы не атрофируются. Стоит мне совершить один рывок, и как я уже открываю дверь незнакомцам, но в этот раз снова силуэт знакомого. Я лишь открыл дверь и вернулся на излюбленное место на диване, с краю, слева. Он как всегда – непринуждённо скинул верхнюю одежду и прошёл в зал, который многие любят называть изошрённым словом «гостиная».

– Чем занят? – всегда я его сравнивал с этим вопросом, ведь наши все разговоры начинаются с этого.

Я уже продумал кровотокающие ответы для его мозга, но как-бы и себя не задеть.

– Конфликтую с тремя альтернативными личностями, – напряжение в его глазах уже начало проследиваться.

– Не понял, – как я и сказал, напрягся и насторожился, как собака во дворе деревенского дома, которая слышала шум за воротами.

– Они до сих пор недоумевают, почему я умею говорить.

– Ты что-то принял? – он кинул подозрительный взгляд на меня.

– С такой удачей как у меня я вообще мог бы целый день на диване валяться, – его недоумение достигло пика Олимпа, а я потягивался на диване, думая о завтрашних думках.

Донеслось до слуха приглушённое открытие входной двери, сопровождающийся таким же приглушённым и скрипя-

щим звуком от петель, на которых уже как с двадцать лет эта дверь висит. Я могу предположить только пару вариантов, кто мог заявиться в обитель невроза и фантазии. Ну, во-первых это родители вернулись с работы. Во-вторых, родственник приехал с заработков, у него выдались выходные и как всегда не передовую – к нам в квартиру. В-третьих, брат, поссорившийся со своей женой. Но по устоявшимся стереотипам это она должна съезжать, а не брат мой. Чего гадать... это родитель. Он смотрит на меня из-за угла и спрашивает, с кем я говорю. Но я уже распластался во весь диван. Даже не чувствовал важности спросить – может кому не удобно. Родитель продолжает изучающе и обыденно смотреть и выпаливает: «А... ну ясно». И с невозмутимостью возвращается к своим делам, а в комнату даже помыслить не может зайти. Знакомый также никогда не мыслил здороваться с кем-либо на этом свете. Вот реально – ни один человек не удостоился его «привета» или «здравствуйте». А он знает такие слова? Не вижу смысла спрашивать. Я даже знаю зачем о...

– Мне нужны твои листы по предмету важному, – без утайки он решил сказать это сейчас.

Я лишь повертел головой, а он приподнялся и резким рывком выскочил в коридор. Он знал, что ничего от меня добиться нельзя. Мы хоть и являемся хорошими знакомыми, но никогда друг другу не помогали. Даже думать об этом не хотели, но никогда особой откровенной ненависти в нашем общении не было. Он вообще очень апатично ко мне

относится. Но до абсолютной безразличности к тому, что со мной происходит, он ещё не добрался. Я знаю точно, что об этом знают родители, и они каким-то образом меня лечат, но интроверсия не является болезнью. Смысл таскать меня по врачам? Родители явно что-то знают...

Чувствую, что безумнею. Хочется подраться с самим собой, но у меня только одна многогранность в желе. Не хотелось бы и вторую развивать.

4. Томность произошедшего оляжет снегом в яме

«Время низвергнуть в небытие бытие». С этих слов начался мой внутренний монолог. Я его планирую окончить на учёбе. Учёба единственное активное занятие, донимает меня по будням, а по выходным я титанический бездельник. Я всю ночь не спал и задавался вопросами, задаваемыми безумцами самим себе. Например: аэродинамика седьмого квадратного сантиметра ковра. Но не в этом суть. Сама жилка заключается в том, что мне надо подняться утром с кровати и выйти в свет к людям, которые умудряются задать не один десяток вопросов, когда никаких значимых событий, кроме того, что я вышел из комнаты, не было – **ВО-ОБЩЕ НЕ БЫЛО**. Игнорировать их категорически нельзя – от них зависит крупный пласт моей жизни и огорчать раньше времени категорически запрещено. Я со скоростью себя сонного отправляюсь в увлекательное путешествие на полметра до ванной. То, что я залипаю по десять минут у зеркала, не имеет значения, как и всё остальное, что там происходит. Дальше по маршруту тур компании «Извечная повседневность» я выдвигаюсь на кухню, где получаю порцию капель для разума и порцию для организма, чтоб совсем в конец не окочуриться. «О Боже» – с иронией я говорю по по-

недельникам, когда остаётся две минуты до выхода в пасмурность планеты, которая, кстати, уже как месяц не проходит с небосвода, что меня чрезмерно радует. Родители давно скрылись из поля зрения окна и моих очей. Я преспокойно накину атмосферную защиту и отправлюсь в учебное учреждение.

Я готов. Я рад. Я опечален. Я в недоумении. Я в тревоге. Я ЕСТЬ ПАНИКА.

Я закрыл обитель ключом Непокорных. Ключ Непокорных – он никогда не будет похож на остальные ключи, такая константа в нашей Вселенной. Но я не тороплюсь выползти на улицу. Этажом ниже меня выходит женщина, которая пытается вывести меня на конфликт по поводу того, что я с ней не здороваюсь. Но я ведь не вижу в этом смысла. Она наверно тоже. Так что обращусь напрямую к ней – отвалите. Дверь подъезда за ней захлопнулась и давление восстановилось. А я уже на улице и вижу перед собой кирпичную физиономию знакомого. Ему ведь невыгодно шагать до меня, так что он до меня каждый раз доходит? Ему даже никогда нечего сказать, диалог всегда начинаю я... ааа – он в наушниках, поэтому от него ничего сегодня никто не добьётся. Я всегда отчасти завидовал людям, которые идут куда-либо в наушниках. Они всегда делают это так непринуждённо, легко и грациозно. Я и сам пытался, но всё летело прахом к небесам. Наушники всегда то перетянутся, то вываливаются из ушей. Мука та ещё. Я решил бесповоротно отказаться

от этой идеи.

Мы шли. Машины останавливались на переходах. Я сосредотачивался на дальних объектах, чтоб не замечать людей, проходящих мимо меня. Моя извечная тактика пока я на улице. А если мы даже со знакомым разговаривали, то взор я свой всё равно держал на дальних дистанциях перед собой. Рассвет догонял нас, но рассвет, который вновь откроет пасмурное небо для людей, проживающих на окрестностях. Синоптики никак не объясняют причину моей месячной радости, но это и не важно. Надеюсь, так ещё долго будет.

Мутное воспоминание как мы добрались до учреждения, улетучилось по моему велению. Меня снова приветствуют томные взгляды дежурных, которые должны смотреть за теми, кто входит в помещение. Наверняка хотят видеть, как подавленные учащиеся приходят подавленными. А я всегда апатично прохожу мимо них. Я не знаю ни их имён, ни их должностей. Меня никогда они не интересовали, в какой-то степени и ненависть к ним проявлялась. А вот и шаблонная элита: зачёсы, костюмы синего оттенка, коротковатые брюки, мокасины, часы огромных размеров, перстни, кожаные сумки и презренный взгляд на всех. Хорошо, что мне не приходится иметь с ними контакта, да и они его избегают – идеальные взаимоотношения, но я всё равно считаю их понты бесполезными.

В гардеробе как всегда пусто. Повесить защиту

и схватить номерок – задача выполнена. Я вижу и других знакомых, с которыми мне выпало учиться в одной касте. Я отчасти лишь ненавижу их. Я не с кем не имею плотного коммуникационного контакта. Каждый из них заинтересован в других кастах, в других учащих. Во мне и моём знакомом никто не заинтересован, поэтому одному бремени пока не бывать. Бремни под названием «Интерес к тебе».

Уже заметно как сморщенная рука тянется к переключателю звонка. Он прозвонит и это точно, но я уже буду в аудитории и внимать новым знаниям. На старт, внимание... рука прикоснулась к пластику... МАРШ. Трезвон на всё заведение даёт понять, что с этого момента опоздавшие будут получать выговор от... администратора, кажется. Опоздавшие, конечно же будут возмущены этим фактом. Будут беситься всё учебное время, что с ними несправедливо поступили, но ничего предпринимать не будут. Таков менталитет их – быть недовольным, но ничего не предпринимать. Мне на них самих наплевать, но не на возмущения. Они прекрасно знали дурацкие правила, но не соблюли их. Бред. Но звонок сказал своё слово, а теперь оно за преподавателем. За окном сгущаются тучи. В аудитории горят люминесцентные лампы. Я очень подробно изучил, как они работают. Провод, идя от сети, выходит прямо на дроссель, который повысит во много напряжение в цепи, дальше начинает гореть тлеющий заряд в лампах. Сконденсированное напряжение выбивает заряд, что приводит к ионизации газа в лампе. От чего мы и видим

тот свет. Я многое опустил, но суть такую я считаю правильной. Лампы не только светят, но и гудят. Часы тикают, а занятие началось бесконечно недавно. В этот раз лекция пущена на самотёк и мне приходится списывать с других мозгов, мозгов людей пишущих учебники, которые потом проходят проверки в министерстве и уже, потом выставляются на продажу за заоблачные цены. Но мне надо усвоить материал с офсетной бумаги. Слово за словом и страница окончена. По окну тарабанят капли дождя. Влажность повышается примерно с пятидесяти до семидесяти процентов. За окном как будто ночь. ИДЕАЛЬНО. Хочу, чтоб так было навсегда – полная и тихая аудитория, шумящие лампы, самостоятельные конспекты, дождь и «ночь» за окном. Мелочи, но очень приятные. Умиротворение достигает своего пика. Мне никуда не надо идти. Есть задача, с которой я могу запросто справиться. Меня никто не донимает своими изречениями. Всё на своих местах, там, где им и положено быть – учащиеся уткнулись в записи, преподаватель в документы, а я в окно с идеальнейшим миром на несколько минут. Антиутопия по своему настроению, но утопия по ощущениям, обдавшем тебя с головы до ног.

Я вносил и вносил слова, да чертежи с таблицами. В аудитории я всех давным-давно изучил, но ни с кем знакомства заводить не хотел. Я пресекал мысли эти опрометчивые. Я всегда знал, что знакомство с ними повлияет на меня, а я не люблю влияния из внешних источников. Мне и своих за-

гонов хватает. Я давно уже абстрагировался от взаимоотношений. Я даже не знаю, что впереди сидящие думают обо мне. Я не завишу от их мнения, но любопытство меня расстреливает у стенки из-за незнания. Это незнание является одним из многих факторов моей бессонницы. Я смогу потерпеть, дождаться дома, ночи, когда я смогу бредить без последствий для себя.

Откуда-то прилетает комок мятой бумаги. Формат А5. Явно вырвали из тетради. С внешней стороны, которую я вижу, ничего не писали, значит лист предназначался для одной лишь цели – послать весточку мне. Но не хотят же у меня списать – списывать нечего же. Задают вопрос, оповещают о чём-либо, предупреждают, но я никому дорогу не переходил. Столько мыслей. Очертания листа, его складки, углубления. Взять бы, да и зарисовать его грифельным карандашом на чистом листе. Но все мысли о листе произошли в миллисекунду. Я разворачиваю листок с шуршание, но никто и внимания не обратит, кроме того кто послал и человека, который попросил послать этот листок. Сообщение гласило... гхм...

«Тут с тобой один человек хочет познакомиться».

5. Вседозволенная всепозволенность

История до опрометчивости безумна. Со мной хотят познакомиться. Мне хочется кричать, орать в голосину. Мне нужен всеобщий анализ обстановки. Мне нужно видеть все цельно и все образно. Мне нужен третий глаз. Мне нужно вспомнить всех в аудитории. Парни отсекаются, остаются только девушки, а вот это уже сложнее. И нет – это совсем не история о любви. Лишь о моей скомканной, как одеяло, жизни. Этих девушек куча. Я никого никогда не интересовал. Я ведь не проявляю эмоций даже. Как такое стечение обстоятельств имеет место быть.

О как же. Мне нужно снова заявиться на учёбу. Нужно вспоминать принципы. Загадочность, скрытность и лестница к стене – победа над книгой. ДА! Теперь нужны при знаки – с этим на месте разберусь. А теперь зловещий оркестр для мотивации и поднятия боевого духа разума. Воочию увидеть рассвет я не хочу, но узнать, кто хочет было бы интересно.

Больная фантазия моего мозга выдаёт неукомплектованные идеи, которые мне приходится систематизировать, чтобы занять себя, во время активного бездельничая. А продлится оно ещё несколько минут. Я снова выдвинусь, но уже

с целью. Я выясню её реальные мотивы. От меня ничего не скроется. Она уже знает, что я знаю о желании познакомиться со мной. А что делать, когда я узнаю?

– Да не забивай этим голову, – на отвались, ответил мой знакомый, – будешь действовать по обстоятельствам, – произнёс с ухмылкой.

Я смотрел на него как на полоумного, но он говорил правильно. Вот жиж угораздило именно меня.

Дождь уже собирался, но он не успеет опередить меня. Я быстрее атмосферы. Я точно знаю, когда в какой части города начнётся дождь. Без всяких сомнений я не знаю чего ждать. Сомнение гложет меня. Не промахнулись ли листком в меня. Паника становится моим естественным настроением в этот будничный, пасмурный денёк. Я уже дал зарок, что первым ничего не предприниму. Пусть рискует первой сама. Я не считаю шампанское достойной наградой за риск совершённый мной. В спину падали лучи тёплого... СТОП. Неужели солнце выглянуло? А за ним уже по пятам бредёт пасмурность с дождём. Пока что ничего кардинально не изменилось, но Вселенная почувствовала, что я приободрился немного.

Женщина передо мной шла забвенно. Она даже не подозревала, что ком ярости во мне нарастает всё с большей силой. Я увеличил децибелы от моих шагов, но её явно это забавляло – тормозить меня. Ещё пару метров и отделаюсь от тебя. Надеюсь на переходе тебя машина огрязнит своим

проездом по луже. Но теперь на меня идёт ещё одна. Она также не собирается, даже чутка в сторону шагнуть, хотя тротуар позволяет. Два метра. Один метр. Полметра. Десять сантиметров. Я увернулся от столкновения, но она также беспардонно продолжала идти и пыжатся на всю окрестную улицу. Инквизиции на них маловато будет, а вот крестовый поход я бы устроил.

Моё учебное учреждение – серое здание с окнами на всю стену. Любой желающий может взглянуть, как мы обучаемся, но всё, что он увидит это то, как мы сидим, а преподаватель ходит между партами и иногда поглядывает в свои записи. Эти окна звуконепроницаемы и если какие-нибудь малыши по разуму посмеют нас отвлекать криками, то мы ничего не услышим. Входная дверь лишь наполовину прозрачна и дежурные получают не полную информацию о входящем.

Но как я оказался в аудитории не имеет смысла говорить. Сегодня снова самостоятельный конспект. В этот раз тема «Битва за N.». Но не для меня. Я заранее подготовился и уже конспект записан в тетради. За вчерашний день я рассчитал вероятность, что такое развитие событий возможно. Получил доступ к некоторым документам, в которых находится часть программы нашего обучения. У меня есть достаточно времени, чтобы наблюдать за субъектами. Но также за вчерашний день я выделил три искомых варианта. Одна из них высокая брюнетка, которая никак с начала года не может определиться – ходить ей с чёлкой или нет. Вторая бы-

ла ростом меньше меня, с коричневыми волосами и браслетом на запястье. Третья была ровней мне, блондинка в очках с телефоном размером с лопату. Все три сидели впереди меня, и обычно никто не поглядывал за спину. Зона комфорта обычно ограничивалась соседом по парте. Все любили позависать в телефонах во время учёбы. Но это незначительные детали, не имевшие веса в моём расследовании. Мне нужна перемена, чтобы видеть.

Трескотня старого заржавевшего звонка обдало по мембране в ушах. Стадия активного наблюдения объявляется открытой. Все возможности моих нейронных связей спущены с цепи. Я вижу всех троих, но это неправильно. Та, которая хочет познакомиться должна себя выдать. В такой обстановке она замаскирована полностью. Спустился как я на этаж ниже. С характерным цоканьем от туфель я спускался по лестнице обитой искусственным гранитом. Хотя краску ещё с позапрошлого года не меняли. Фреска сопровождает меня по всей лестнице. Она изображает то, как Прометей преподнёс людям огонь. А на следующей ему уже склёвывают его печень. За добрые намерения, с далеко идущими последствиями, получил мучительный финал.

Этажом ниже я наблюдал расписание занятий. А также обнаружил довольно вольготное место, где можно обосноваться. Там никому не получится присесть рядом и заговорить со мной. Отличная позиция для наблюдения. Перемена вроде долгая до изнеможения, но первые признаки про-

клёвываются. Прошла блондинка, посмотрела расписание и скрылась – больше я её не наблюдал, даже спустя несколько недель. Следующей была высокая – вроде улыбнулась, но я всё также кирпичин. Возьму её на заметку и пробью по высшим кластерам данных. Ах да... она не так уж часто появляется там, где я. А это уже посыл вычеркнуть её из списка. Но тогда остаётся только коричневая. Мне нужны более холодные расчёты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.